

Баранкевич Инна Анатольевна, преподаватель кафедры НДПТ, Краснодарский государственный институт культуры (г. Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: inna.an-barin@bk.ru

**ВОЗРАСТНОЙ СИМВОЛИЗМ
В ТРАДИЦИОННОМ КОСТЮМЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ
МОЛОДЕЖИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (XIX – НАЧ. XX ВВ.)**

При достижении совершеннолетия в традиционной культуре русских происходили значительные перемены в одежде и внешнем облике молодежи. Совершеннолетие предполагало наличие признаков, в совокупности составлявших идеальный тип девушки и молодца в традиционном сознании. В XIX - начале XX в. демонстрация одежды, необходимость праздничного переодевания совершеннолетней молодежи имели не столько брачно-символическое, сколько социально-престижное значение.

Ключевые слова: совершеннолетие, приданое, понева, девичья коса, брак.

I.A. Barankevich

Barankevich Inna Anatolyevna, lecturer of the department of folk decorative-applied art of Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy st., 33), e-mail: inna.an-barin@bk.ru

THE SYMBOLISM OF THE AGE IN TRADITIONAL COSTUMES OF YOUNG ADULTS OF THE EASTERN SLAVS (XIX – EARLY XX CENTURIES)

On reaching the age of majority in the traditional culture of the Russians there were significant changes in clothing and appearance of youth. The majority suggested the presence of symptoms, collectively constitute the perfect type of girl and well done in the traditional consciousness. In the XIX - early XX century demonstration of clothes, the necessity of changing festive young adults had the marriage not so much symbolic, how much social prestige value.

Keyword: age, a dowry, a poneva, maiden braid, marriage.

Достижение совершеннолетия в традиционной культуре русских – событие, имевшее важное общественное значение: появлялся новый взрослый член трудового коллектива, продолжатель рода. Община строго следила за соблюдением необходимых изменений, сопровождавших переход в совершеннолетие. Значительные перемены происходили, прежде всего, в одежде и внешнем облике молодежи.

Семья обязана была хорошо одевать взрослых детей, и уклонение от общепринятой нормы вызывало резкое осуждение всей общины. Комплекты праздничных костюмов составляли важную часть домашнего производства и особую статью семейных расходов. Обязанность обеспечения одеждой совершеннолетней девушки целиком лежала на ее матери. Зарабатывая деньги на одежду и приданое дочери, мать занималась продажей собственноручно вытканного холста, огородных овощей, семян, молочных продуктов [1, с. 77]. Девочки в конце подросткового возраста и сами активно зарабатывали себе на одежду, работая по найму. На одежду юноши средства шли из общесемейных расходов, так как в ее приобретении активное участие принимал отец. Кроме того, парни зарабатывали на наряды на отхожих

промыслах. В старину, если семья не имела возможности приобрести для взрослой дочери соответствующую ее возрасту одежду, община обязана была помочь ей. Во второй половине XIX - начале XX в. сохранялся обычай сбора приданого бедной невесте и девушке-сироте коллективом села [1, с. 77].

Уже к концу подросткового возраста появлялись некоторые существенные изменения во внешнем облике, одежде и поведении детей, которые были связаны с подготовкой к совершеннолетию. Этим изменениям способствовала активная социальная роль подростков в хозяйственной жизни общины. Они имели свой заработок, часть которого тратили на одежду, готовя себе взрослый костюм [1, с. 59].

В конце подросткового возраста девочки заканчивали накопление приданого, постепенно включая в свой костюм элементы одежды взрослых. Прежде всего, это касалось праздничного наряда. Девичья и женская одежда составляла основную (часто единственную) часть приданого, которое являлось неотъемлемым имуществом женщины. Поэтому одежда всегда попадала в договорную часть при заключении браков и переходила по наследству к дочерям [1, с. 76]. Даже у девушек из семей среднего достатка, вышедших замуж, заготовленной одежды хватало лет на десять [4, с. 6].

Во многих областях России девушки должны были сами сшить себе первую рубаху [4, с. 6]. Рубахи являлись обязательной частью приданого невесты. На русском Севере в приданое входили не менее 10, а у богатых крестьянок 30 – 50 вышитых рубах [3, с.54]. Украшения рубах девочек и пожилых женщин были очень скромными. Девушки и молодые женщины носили наиболее яркие, украшенные вытканым и вышитым узором рубахи.

В российских губерниях (в основном на Юге России) совершеннолетие девушки отмечалось надеванием набедренной одежды - *понева*, после чего она считалась невестой и ее могли сватать. Понева («понька», «понява») относится к наиболее архаичному виду женской поясной одежды, которую носили крестьянки всех южнорусских губерний. Поневы являлись важной частью приданого невесты. Мать готовила в приданое дочери «полотна» на

12 понев. Добротная понева являлась хорошим свадебным подарком свекрови своей невестке [3, с. 60].

Обряд обряжения в поневу совершеннолетней девушки обычно совершался в день ее именин или на большой праздник (Пасху, Троицу, Успенье Богородицы) в год совершеннолетия, которое отсчитывалось с действительного наступления половой зрелости, а не в определенную годовщину [1, с. 41]. В Тульской губернии в начале XIX в. на совершеннолетие девушки собиралась вся ее родня и соседи, которые становились свидетелями ритуальных действий, связанных с поневой. Девушка бегала по лавке и, после троекратной просьбы матери «вскочить» в поневу, спрыгивала с лавки на пол в подставленную поневу [2, с. 185]. Прыгая, она очень старалась попасть точно в цель, так как промах мог повлечь за собой отсрочку ее сватовства до следующего года [2, с. 188]. В более поздний период ритуал перешел в свадебную обрядность, а первое надевание поневы совершеннолетней девушке проводилось в более узком кругу родных и подруг. Ткань на поневу ей обычно дарили. Первую свою поневу девушка не должна была шить сама. Ее изготавливали подруги или сестры, а брат мог надевать поневу на совершеннолетнюю [6, с. 44].

Т.А. Бернштам, исследуя возрастной символизм совершеннолетия в русской общине, называет южнорусский обряд «скакания» в поневу или надевание поневы архаичным ритуалом, носившим групповой, общественный характер [1, с. 89]. Обряжение в поневу было приурочено к определенному времени года и праздничному событию в общине. Всех девушек, достигших возрастной нормы, в одно время, публично переводили в категорию совершеннолетних. Бывали случаи (в Воронежской губернии), когда община в складчину изготавливала поневу для бедной девушки или девушки-сироты [Б, с. 77]. Важно отметить, что в одевании поневы «обязательным элементом была имитация насилия, носившая, как и сопротивление девушки, ритуализованный характер» [Б, с. 90]. Обряд проводили в одном из «нечистых» помещений (в бане или амбаре), и по его

завершении девушку выводили на улицу, на всеобщее обозрение. Понева эта являлась специальной обрядовой одеждой, предназначенной для «перехода» в новую социальную группу и надления новым статусом. В большинстве случаев девушка после этого обряда снова надевала свой сарафан. И даже выйдя замуж, носила сарафан до рождения ребенка, «после чего ей полагалась взрослая понева, соответствующая уже другому статусу» [1, с. 90].

Русский *сарафан* в традиционном женском костюме появился значительно позже поневы. Самыми завидными невестами в северных губерниях считались девушки, носившие вышитые «золотными» цветами из белой ткани сарафаны. Вместе с тем в некоторых северных губерниях девушкам, не достигшим двадцатилетнего возраста, не положено было носить сарафаны из дорогих тканей - атласа и гаруса [3, с. 66]. Возможно, это было связано с тем, что в ряде областей северно-русской зоны девушка в 20 лет могла находиться в «пике» совершеннолетия. Например, в Поморье и в Онежском уезде считалось нормальным возрастом девушки для выхода замуж 20 – 30 лет [1, с. 45].

В конце XIX – начале XX вв. в разных районах России девушки в комплексе с рубахой надевали сарафан или юбку. Этим они отличались от замужних женщин, носивших поневу [6, с. 44]. У населения казачьих областей Юга России, более подверженного влиянию городской моды, девушки с 15 лет начинали носить *юбку с кофтой*. Если в семье было несколько сестер, то младшие сестры до просватания старшей не имели права надевать юбку с кофтой, а ходили как несовершеннолетние девочки в платьях, носили обноски старшей сестры, даже если им было значительно больше 15 лет. Объясняли эти ограничения так: «чтобы не посадить под корыто старшую сестру» [5, с.249]. Означало это – выйти замуж раньше старшей сестры, и тем самым оставить ей мало шансов на замужество. Русские строго придерживались обычая выдавать дочерей замуж по старшинству. Если младшие девочки были красивее старшей, то им

запрещали ходить на молодежные посиделки, в хороводы, их прятали от потенциальных женихов и одевали как несовершеннолетних, пока старшую дочь не засватают [1, с. 97].

Особое значение в символике возраста совершеннолетия придавалось поясу. Парни опоясывались отличным от взрослых мужчин способом. Юноши всегда завязывали пояс по нижней одежде, мужчины – по верхней. Различались также и узоры на поясах молодежи и взрослых. В молодежной субкультуре было принято дарить подарки девушке или парню в знак симпатии. Девушки часто вышивали на подарочных поясах целые послания, заменившие в позднее время традиционный орнамент с символическим значением [1, с. 87]. В традиционные женские костюмы входили различного вида пояса: «покромка», «подживотник», «надживотник», «опояска» [3, с. 67]. Девушки носили на них съемные карманы – «лакомники».

Переход в совершеннолетие значительно изменял отношение семьи и общинного коллектива к «женихам» и «невестам». В XIX - начале XX вв. демонстрация одежды, необходимость праздничного переодевания совершеннолетней молодежи имели не столько брачно-символическое, сколько социально-престижное значение. Подобные демонстрации достигали своей кульминации на общественных праздниках. Девушки в течение нескольких праздничных дней не должны были появляться в обществе в одних и тех же нарядах. Односельчане осуждали семьи, не соблюдавшие установленные нормы. Когда девушки шли на праздники и молодежные гулянья в соседние села, то обязательно несли с собой в узлах все свои наряды. Если своей одежды для ежедневного переодевания было недостаточно, ее занимали у подруг [1, с. 79]. Костюм наряду с личными качествами девушки и парня, а нередко и больше, чем они, служил стимулом в отношениях молодежи. Девушка могла не согласиться «играть» или идти в хоровод с ненарядно одетым парнем; «бедная невеста часто не решалась идти на беседу или гулянье», стыдясь своего костюма [1, с. 79]. Похвала одежды входила в систему приветствий молодежи и односельчан.

С наступлением совершеннолетия у девушки и парня наблюдались изменения в причёске и головном уборе. Она символизировала главный смысл происходившей перемены – готовность к браку. У девушки эту готовность демонстрировали расчесанные распущенные и украшенные волосы. Распускание волос – обычай более древний, чем заплетение сложных кос, которые вместе с узлами, веревками, булавками символизировали невинность и неприступность [1, с. 81]. В русском фольклоре (особенно в свадебных причитаниях невесты) девичья коса – «дивья красота», «красная красота», «воля» олицетворяла девичество, невинность, вольную жизнь в родительском доме, брачные возможности. Отрезать косу у девушки означало обесчестить ее [3, с. 70].

Волосы девушки, распущенные или заплетенные определенным образом, получали различную смысловую нагрузку в разных ритуальных ситуациях. Во многих русских областях девушкам полагалось распустить волосы к причастию. В отдельных районах это делали только сироты. Например, в Воронежской губернии круглая сирота полностью распускала волосы, собираясь на молебен в Великий пост. Девушка, потерявшая одного из родителей, шла в церковь с заплетенной до половины косой [1, с. 81]. Остальные девушки в данной ситуации заплетали косу полностью и украшали ее лентой. Распускание и расчесывание девичьих волос перед венцом в свадебном ритуале означало «вступление в брак» [1, с. 82].

Возрастные и социальные изменения, происходившие в жизни девушки, были ярко отражены в ее головном уборе. Согласно древним обычаям девичьи головные уборы не закрывали темени. Все основные виды девичьих восточнославянских уборов как бы охватывали голову, сдерживая волосы, которые носили распущенными. Наиболее ранний вид девичьих уборов – это головные полотенца из полос холста с вышитыми концами. Позже широкое распространение получили головные уборы в форме венца или обруча. На праздник девушки надевали на голову венки из живых и

искусственных цветов. Венок в восточнославянской традиции символизировал девственность [6, с. 51].

В конце XIX – начале XX вв. элементы, отражавшие в головных уборах девушек возрастные различия, постепенно стирались и девичьи уборы заменялись платками.

Волосы и головной убор парня в период совершеннолетия имели не меньшее ритуальное значение, чем девичьи. В конце XIX века парни перенимали городскую моду на прически. Они «не выстригали выемки на лбу» (характерные для старинных причесок), а разделяли волосы на пробор, взбивали чубы, носили низкие шапки или шляпы полугородского типа [1, с. 79].

В молодежной субкультуре существовали определенные правила ношения головных уборов. Праздничные шапки обязательно украшали перьями, лентами и цветами. На гулянья (даже в помещении) парни должны были надевать головной убор. В определенные моменты молодежных игр необходимо было снять или приподнять на голове шапку. Иногда в игре девушка, которую целовал парень, могла держать его шапку в руках. Головной убор совершеннолетнего парня в праздничной (или обрядовой) ситуации сохранял ритуальное значение с «символикой холостого статуса и готовности к браку» [1, с. 80]. Непокрытая голова в играх молодежи символизировала «брачные отношения». Эти манипуляции с волосом указывают на то, что парень стал женихом. Кроме того, у русских существовало поверье, что «волосы вступающих в брак смешались на головах уже за три года до свадьбы» [1, с. 80]. Таким образом, парень и девушка были суждены друг другу благодаря магической силе их волос.

В России у девушек и молодых женщин был широко распространен обычай белить лицо и румянить щеки. Собираясь идти в хоровод, девушки обязательно «белили и красили лица как маски» [3, с. 79]. Румяный, здоровый цвет лица девушки, по народным представлениям, указывал на ее потенциальную сексуальность. Этнографы считают раскрашивание лица

одним из древних обрядовых действий, в системе переходных обрядов, связанных с совершеннолетием и браком. Символика белого и красного цвета грима в совокупности обозначала различные аспекты «брачного состояния», наделение здоровьем, сексуальной энергией и плодородием «космически-природными стихиями (белила – серебро – месяц; румяна – золото – солнце; вода – роса, огонь)» девушек и женщин [1, с.85].

Достижение совершеннолетия предполагало наличие признаков, в совокупности составлявших идеальный тип девушки и молодца в традиционном сознании. По народным представлениям, готовые для брака «жених» и «невеста» должны быть рослыми, «дородными», физически крепкими, работающими, веселыми и почтительными к старшим. Для совершеннолетних девушек достижение идеального образа было насущной необходимостью. Поэтому они прибегали к разнообразным способам улучшения своей внешности: не доросшую косу удлинняли «косником», редкие волосы искусным образом заплетали (до 18 прядей), перевивая украшениями, надевали несколько слоев одежды (рубаш, сарафанов, чулок), чтобы казаться полнее. Малорослая девушка подкладывала что-либо в обувь (чтобы казаться повыше), надевала короткую одежду (для создания впечатления выросшей из нее) [1, с. 97].

Изменение в одежде было первой общественной демонстрацией возраста совершеннолетия. Во второй половине XIX века сельская молодежь ценила фабричные ткани выше домотканых. Преобладание готовых изделий из фабричной ткани в костюмном комплексе являлось важной отличительной чертой молодежного наряда. Для девушки «заводили»: шубу, сарафаны, полусапожки, дорогую шаль, вышитый золотой мишурой красный платок и др. [1, с. 78]. Совершеннолетние, кроме нескольких комплектов одежды, головных уборов и обуви, приобретали «модные» вещи: часы, зонтики, перчатки, зеркальца, брелоки, трости. Специфической чертой молодежного костюма являлись многочисленные украшения (в том числе и у парней).

О ритуализации частей тела, связанной с брачной символикой пика молодости, свидетельствуют многочисленные элементы молодежной одежды, способы ношения костюма, его украшения и терминология. К наиболее распространенным признакам такого рода относятся шейные украшения у девушек, укороченные девичьи рубахи, оформление цветом груди, плеч, «залопаток» и локтей. Богато орнаментировались пояса и передники молодежи. Волосы и головные уборы парней и девушек украшали лентами, перьями и цветами. Девушки старались подчеркнуть свою зрелость покроем платья и дополнительными элементами, придающим пышность груди и бедрам, стройность талии [1, с. 87].

Список используемой литературы:

1. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–нач. XX вв. (Половозрастной аспект традиционной культуры). Л., 1988. 227 с.
2. *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. // Избранные труды, статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
3. *Исенко С.П.* Русский народный костюм и его сценическое воплощение: учеб. пособие для вузов культуры и искусств. М., 1999. 144 с.
4. *Лаврентьева Л.С.* «По одежки встречают»: семиотические функции одежды // Живая старина. 1996. № 3. С. 4–6.
5. *Лебедева А.А.* Дон и Северный Кавказ (область войска Донского, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния) // Крестьянская одежда населения европейской России (XIX–XX в.): Определитель. М., 1971. 364 с.
6. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984.